ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ АРГУМЕНТОВ:
СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС*

© 2016

Екатерина Анатольевна Лютикова^{а, б},
Роман Витальевич Ронько^{б, в},
Антон Владимирович Циммерлинг^{б, в, @}

^а МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^б Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; ^в Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; [@] fagraey64@hotmail.com

Статья посвящена обзору современной проблематики и тенденций в исследованиях дифференцированного маркирования аргументов. Эта тема вызывает повышенный интерес в описательной и теоретической лингвистике, в первую очередь в связи с общеметодологической проблемой моделирования внутриязыкового варьирования. Наряду с традиционными направлениями изучения дифференцированного маркирования аргументов в конкретных языках и конкретных структурных позициях, современные исследования затрагивают такие проблемы, как универсальность механизмов дифференцированного маркирования аргументов, вопросы его возникновения и развития, возможности использования статистического анализа и многофакторных моделей в типологических и конкретно-языковых исследованиях проблемной области.

Ключевые слова: аргументная структура, дифференцированное маркирование аргументов, лингвистическая типология, морфосинтаксическое кодирование аргументов, приписывание падежа, согласование

DIFFERENTIAL ARGUMENT MARKING:
SEMANTICS, MORPHOLOGY, SYNTAXEkaterina A. Lyutikova^{а, б}, Roman V. Ronko^{б, в}, Anton V. Zimmerling^{б, в, @}

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^б Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; ^в Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; [@] fagraey64@hotmail.com

The paper presents an overview of the current issues and tendencies in studies of differential argument marking (DAM). This research area is of topical interest in modern descriptive and theoretical linguistics, primarily in the context of the general methodological problem of modeling linguistic variation. Therefore, along with traditional issues such as studies of DAM in specific languages and structural positions, modern research addresses the issues of the universality of mechanisms of DAM, its diachronic emergence and development, statistical analysis and multivariate models in typological and language-specific investigations of DAM.

Keywords: agreement, argument structure, case assignment, differential argument marking, linguistic typology, morphosyntactic alignment

* Обзор написан при поддержке проекта № РНФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура в языках мира».

Дифференцированное маркирование аргументов обсуждалось на рабочем совещании, которое прошло 22—23 апреля 2016 г. в Институте языкознания РАН в рамках работы проблемной группы по теории грамматики. Программа конференции включала 21 доклад, где были представлены типологические исследования и формальные модели данного явления, а также предложен анализ данных конкретных языков. Во вступительном слове, открывшем конференцию, В. А. Плуныян (Москва) подчеркнул популярность данной проблематики в современных типологических и конкретно-языковых исследованиях и отметил как широкий охват теоретических проблем, затрагиваемых участниками, так и представительную и разнообразную эмпирическую базу, включающую славянские, балтийские, анатолийские языки, древнеармянский язык, а также алтайские, уральские, северо-кавказские, семитские, тибето-бирманские, нигеро-конголезские языки.

Как кажется, можно утверждать, что широкий диапазон эмпирических обобщений и теоретических вопросов, поставленных участниками научного форума, отражает практически весь спектр современных исследований в области дифференцированного маркирования аргументов. Эта проблематика была в научной повестке дня функционально-типологической и эмпирической лингвистики как минимум последние 30 лет, однако следует подчеркнуть, что сегодня отмечается существенный рост интереса к данной области со стороны теоретической лингвистики, в первую очередь в связи с общеметодологической проблемой моделирования внутриязыкового варьирования [Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) a].

В данной статье вниманию читателя предлагается обзор современных направлений в исследованиях дифференцированного маркирования аргументов на основе представленных на конференции докладов.

1. Дифференцированное маркирование аргументов: обоснование проблемной области

Дифференцированное маркирование аргументов (differential argument marking, DAM) — термин, призванный обозначать широкий круг явлений, связанных с выбором морфосинтаксического оформления аргумента в зависимости от наличия или значения специального семантического или грамматического фактора — лицензора дифференцированного маркирования, не сводимого к залоговым или актантно-деривационным преобразованиям. Наибольшее число публикаций в типологической литературе посвящено варьированию в оформлении прямого дополнения; для обозначения этого явления используется термин, предложенный Г. Боссонгом — differential object marking (DOM). Дифференцированное маркирование объекта засвидетельствовано в большом количестве разноструктурных языков. Так, Боссонг [Bossong 1985: viii] насчитывает более 300 языков, в которых DOM представлен в том или ином виде; многие работы, посвященные данной проблематике, цитируют утверждение Г. Егера [Jäger 2007: 102]: почти во всех аккузативных языках есть DOM. Типологические исследования DOM (см., например, библиографию в учитывающей двадцать лет исследований DOM работе [de Swart 2007]) выявили целый ряд факторов, лицензирующих вариативное маркирование, включающий как характеристики самого аргумента (его одушевленность, определенность, референтность, топикальность), так и характеристики предиката/клаузы: значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение.

Не меньший интерес представляет дифференцированное маркирование аргументов в других структурных позициях. К ним относятся в первую очередь позиции подлежащего и посессора. Дифференцированное маркирование подлежащего (differential subject marking, DSM) в независимом предложении засвидетельствовано в первую очередь в переходной конструкции эргативных языков. Следует отметить, что, хотя конструкции с вариативным падежным оформлением субъекта/агенса эргативных языков известны достаточно давно, ср. [Silverstein 1976; Dixon 1979; DeLancey 1981], изучение DSM как единого феномена имеет сравнительно недолгую историю [de Hoop, de Swart 2008]. Основные явления,

подпадающие под понятие DSM в эргативных языках, включают так называемую расщепленную эргативность (*split ergativity*) и активную (ролевую) стратегию падежного маркирования (*active/semantic alignment, split intransitivity*). Лицензирующими факторами здесь выступают как формальные характеристики именных групп в позиции подлежащего (локутор/не-локутор, местоимение/существительное), так и семантические (волитивность, контроль) и грамматические (ТАМ-категории) характеристики предиката.

Дифференцированное маркирование посессора (*differential possessor marking, DPM*) как единый феномен в литературе обычно не выделяется. Можно указать три основных типа DPM, отличающиеся друг от друга и по формальным параметрам, и по лицензирующим факторам: (i) падежное варьирование как частный случай отличий в кодирующей технике для разных типов семантических отношений между именной вершиной и ее именным зависимым, в первую очередь отчуждаемой vs. неотчуждаемой принадлежности [Haiman 1983]; (ii) вариативное морфосинтаксическое оформление внешнего и внутреннего посессора [Shibatani 1994; Payne, Varshi 1999]; (iii) дифференцированное маркирование посессоров, имеющих различные формальные (например, местоимение/существительное) или семантические (например, референциальный статус) характеристики. Легко видеть, что последний тип DPM весьма напоминает по своим характеристикам дифференцированное маркирование клаузалльных аргументов — DOM и DSM. Более того, засвидетельствовано использование конструкций дифференцированного маркирования посессора для выражения дифференцированного маркирования субъекта номинализованных клауз [Kornfilt 2008; Lyutikova, Ibatullina 2015].

Объединение перечисленных феноменов имеет под собой серьезные основания. С одной стороны, можно выявить общую схему дифференцированного маркирования аргументов [Lyutikova 2016]. Контексты DAM соответствуют базовым грамматическим функциям именных групп — субъект, объект, посессор, для которых характерно единообразное морфосинтаксическое кодирование как с точки зрения падежного оформления (*flagging*), так и с точки зрения индексации (*indexing*) в управляющей вершине — субъектного, объектного и посессивного согласования. Факторы-лицензоры DAM вызывают отклонения от канонического кодирования: аргумент либо получает особый падеж, либо «теряет» падежный показатель, либо перестает контролировать предикативное или посессивное согласование. Существование подобной общей схемы предположительно говорит о наличии единых механизмов, стоящих за дифференцированным маркированием аргументов. Кроме того, нельзя забывать, что разные типы DAM регулярно взаимодействуют, так что некоторый фактор лицензирует одновременно дифференцированное маркирование в разных структурных позициях: например, в грузинском языке значения ТАМ-категорий вызывают и DSM, и DOM [Coon 2013].

С другой стороны, воздействие факторов, лицензирующих модифицированное управление, позволяет выделять подмножества аргументов, не совпадающие с основными грамматическими отношениями. Так, например, в русском языке оформляться генитивом в контексте сентенциального отрицания могут не только прямые дополнения (*Он читает газеты — Он не читает газет*), но и подлежащие (*Ответ пришел — Ответа не пришло*) — так называемые объектный и субъектный генитив отрицания; из недавних работ см., например, [Падучева 1997; 2006; Рахилина 2008; Borschev et al. 2008]. При этом, однако, дифференцированное падежное маркирование (номинатив vs. генитив) демонстрируют только такие подлежащие, которые соответствуют внутреннему аргументу глагола — например, подлежащие одноместных пациентивных глаголов и подлежащие при пассиве [Pesetsky 1982; Борик 1995; Brown 1999]. Следовательно, правильное обобщение состоит в том, что в русском языке дифференцированное маркирование в контексте сентенциального отрицания демонстрируют не прямое дополнение и подлежащее, а внутренний аргумент¹.

¹ Сам по себе статус внутреннего аргумента при стандартном для генеративной грамматики анализе не указывает, остается ли ИГ в синтаксической позиции дополнения внутри глагольной группы или же

Аналогичным образом, только внутренние аргументы в якутском языке могут оставаться беспадежными, что проявляется в дифференцированном маркировании прямого дополнения (ACC vs. Ø) и дифференцированном маркировании субъекта непереходной нефинитной клаузы (GEN vs. Ø) [Baker, Vinokurova 2010]. В татарском языке единый фактор — синтаксическая категория аргумента — предопределяет дифференцированное маркирование прямого дополнения (ACC vs. Ø) и посессора (GEN vs. Ø) [Лютикова, Перельсвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015]. Очевидно, что такого рода обобщения возможны только при едином подходе к дифференцированному маркированию аргументов, и прошедшая конференция еще раз подтвердила плодотворность этого подхода.

2. Дифференцированное маркирование аргументов в теоретической перспективе

С точки зрения теоретического моделирования феноменов DAM важнейшим вопросом представляется устройство грамматических механизмов, связывающих факторы-лицензоры DAM и формальные характеристики аргумента и конструкции в целом. По-видимому, нулевой гипотезой любой теории должно быть предположение, что морфосинтаксическое кодирование аргумента (падежное маркирование, индексирование в управляющей вершине, линейная и структурная позиция в синтагме) определяется единой совокупностью правил, независимых от того, демонстрирует ли данный аргумент дифференцированное маркирование. В таком случае лицензирующий фактор должен рассматриваться как один из параметров, поступающих на вход грамматических механизмов данного языка, и моделироваться именно в этой перспективе: как формальный признак аргумента (например, [+определенный], [+локутор], [+топик]), как формальный признак управляющей или вышестоящей вершины (например, [+имперфектив], [+отрицание]), а возможно, и как перестройка всей синтагмы (например, моноклаузальный анализ эргативной конструкции и биклаузальный анализ биабсолютивной конструкции [Kazenin 1998; Кибрик 1999; 2001; Coon 2013]).

Дополнительная теоретическая перспектива, связывающая дифференцированное маркирование аргументов с проблемой универсалий, состоит в том, что многие исследователи видят в эффектах DOM и DSM подтверждение существования универсальных референциально-дейктических иерархий, ср. [Silverstein 1976; Aissen 2003]. Иная точка зрения представлена в коллективной монографии [Bornkessel-Schlesewky et al. 2015], авторы которой понимают референциально-дейктические иерархии как эмпирические обобщения над конкретным языковым материалом, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2016].

В рамках конференции было представлено три доклада, посвященных возможному теоретическому анализу дифференцированного маркирования аргументов. Е. А. Лютикова (Москва) помещает проблематику дифференцированного маркирования аргументов в контекст современных падежных теорий. Аргументируя единый подход к падежному варьированию, она выделяет параметры, позволяющие охарактеризовать этот феномен для произвольного языка и произвольного класса аргументов: локальность и тип лицензора; наличие семантической мотивации; позиционные различия; корреляции с согласованием. Рассматривая две наиболее глубоко разработанные формальные теории падежа — минималистскую теорию приписывания падежа при согласовании [Chomsky 2000] и конфигурационную теорию

продвигается в позицию подлежащего. В русской лингвистике, в том числе в модели «Смысл ↔ Текст», род. п. субъекта в конструкции *Ивана не было на берегу* рассматривается как грамматическое подлежащее [Mel'cuk 2014: 183]. Если ввести в описание грамматических систем так называемый параметр антисубъекта, т. е. морфологической маркировки синтаксической позиции как неподлежащей, ИГ в род. п. в предложениях типа *Ивана не было на берегу, Ответа не пришло vs. Иван не был на берегу, Ответ не пришел* будет однозначно квалифицирована как дополнение. О параметре антисубъекта см. ниже.

падежа [Marantz 1991; Baker 2015], Лютикова приходит к выводу, что каждая из них естественным образом представляет одни типы варьирования и нуждается в серьезных усложнениях для анализа других типов. Минималистская теория приписывания падежа является более гибкой в описании падежного варьирования, лицензируемого грамматическими и семантическими характеристиками предиката, и более ограничительной в отношении связи между падежом и согласованием. Преимущество конфигурационной теории в том, что она способна анализировать нелокальные зависимости между падежным маркированием коаргументов.

Факторы, лицензирующие дифференцированное маркирование аргументов, принадлежат к универсальному набору категорий и признаков и характеризуют систему конкретного языка вне зависимости от того, связаны ли они в данном языке с особенностями морфосинтаксического оформления аргументов. Проанализировав границы феномена DAM в докладе «Дифференцированное маркирование актантов: синтаксис и иногда морфология?», А. В. Сидельцев (Москва) задается вопросом, не является ли DAM конкретно-языковой морфологической реализацией универсальных синтаксических различий между аргументами. Сопоставляя аккузативные и немаркированные прямые дополнения в турецком языке, мы обнаруживаем целый набор синтаксических свойств, отличающих их друг от друга: линейная позиция, способность выступать антецедентом анафорических выражений, способность контролировать пустые категории и т. д. Семантический контраст между аккузативными и немаркированными дополнениями, связанный со специфичностью, воспроизводится и в позиции подлежащего; более того, специфичные и неспецифичные подлежащие проявляют те же синтаксические свойства, что и специфичные и неспецифичные дополнения. Однако этот контраст не сопровождается отличиями в падежном маркировании, поскольку номинатив в турецком языке не имеет морфологического экспонента. Привлекая данные финского и хеттского языков, Сидельцев показывает, что синтаксические отличия между разными классами аргументов, аналогичные тем, что мы наблюдаем для языков с DAM, могут быть обнаружены и в языках, где морфосинтаксическое кодирование таких аргументов не различается. Следовательно, DAM — это лишь частный случай регулярных структурных отличий между аргументами, отражающих их интерпретационные возможности.

Необходимо отметить, что сам термин «дифференцированное маркирование X-а» уже предполагает определенное теоретическое решение: независимо от морфосинтаксического оформления, вызванного воздействием лицензора, X может быть единообразно охарактеризован как объект/субъект/посессор. Вопрос о том, в какой степени это решение адекватно, рассмотрел в докладе «Дифференцированное маркирование субъекта?» А. В. Циммерлинг (Москва). Исследователь останавливается на трудностях, возникающих в связи с расширением понятия дифференцированного маркирования аргумента за счет субъектных аргументов. Выделение субъекта, т. е. приоритетного аргумента, которому приписывается предикативный признак, связано с заранее принимаемыми конвенциями анализа на любом уровне рассмотрения — на уровне логико-семантической структуры события, на уровне семантических актантов и на формально-грамматическом уровне. Трудности с определением грамматического субъекта возникают не только в семантически эргативных языках и так называемых языках с выдвижением топики, но и в некоторых языках номинативно-аккузативного строя, включая современный русский. В ряде славянских, германских и циркумбалтийских языков выделяются приоритетные актанты (неканонические подлежащие) в косвенном падеже, причем параметр, разрешающий неканонические подлежащие в косв. п., коррелирует с параметрами, разрешающим либо запрещающим употребление им. п./прямого падежа в позиции дополнения. Если второй актант глагола, принимающего неканоническое подлежащее, маркируется косвенным падежом и не может получать стандартный для подлежащего в данном языке падеж, можно говорить об актанте со статусом «антисубъекта». Статус антисубъекта означает, что соответствующая ИГ остается в позиции дополнения и не достигает позиции подлежащего. Наиболее

грамматикализован параметр антисубъекта в фарёрском языке, где как антисубъект регулярно маркируется актант-стимул эксперенциального глагола [Циммерлинг 2002: 772]. Другими кандидатами на статус антисубъекта могут быть аргументы в конструкции презентации в немецком и испанском языках, ср. нем. *Es gibt einen_{ACC} Unterschied_{ACC} zwischen X und Y* и исп. *Ø Hay diferencia entre X y Y* 'Между X и Y существует разница', где второй актант получает вин. п. при эксплетивном или нулевом подлежащем. В дискуссии обсуждалась возможность описания как антисубъекта род. п. отрицания в русском языке в конструкциях типа *Ответа_{GEN} не пришло*; *белья_{GEN} наполощено* и т. п. : в таком случае варьирование *Ответ_{NOM.SG.M} не пришел_{SG.M} ~ Ответа_{GEN} не пришло_{3SG.N}* отражает не дифференцированное маркирование подлежащего, как это интерпретируется, например, в модели «Смысл ⇔ Текст», где для русского языка допускается существование подлежащих в род. п. [Mel'čuk 2014: 183], а выбор между подлежащей и неподлежащей конструкциями². Параметр номинативного объекта, разрешающий дополнения в им. п., действует в латышском, литовском, древнерусском языках и диалектах русского Севера [Ронько, Циммерлинг 2015; Ронько 2016]. Статус номинативного объекта предполагает, что ИГ, получающая им. п., остается в позиции дополнения даже в том случае, если в предложении нет другой ИГ в им. п. Литературный русский язык запрещает предложения типа диал. *(тебе) надо баня_{NOM} рубить*, но имеются несогласуемые на морфологическом уровне предикаты типа *X-у по силам*, которые обладают нетривиальными свойствами. В конструкции с сентенциальным актантом *X-у было по силам [выиграть турнир]* они выбирают неканоническое подлежащее в дат. п., но в конструкции *X-у Y-и по силам* они сочетаются с ИГ в им. п., которая контролирует согласовательную форму связи: *X-у [эти задачи]_{PL} были_{PL} по силам*. Докладчик предложил считать, что параметр, запрещающий номинативные объекты в русском языке, соблюдается и здесь, а элементы типа *по силам* на синтаксическом уровне представляют собой пары омонимов несогласуемый предикат vs. аналитическое согласуемое прилагательное, получающее признак [+синтаксический им. п.]. Выступившие в дискуссии Я. Г. Тестелец, М. Ухлик, П. М. Аркадьев, А. Б. Шлуинский обсуждали плюсы и минусы данного решения.

Проблемы взаимосвязи различных параметров морфосинтаксического кодирования аргументов — в первую очередь падежного оформления и линейной позиции — и формального моделирования этой взаимосвязи освещались в докладе А. А. Герасимовой (Москва) на материале падежного варьирования в русских событийных номинализациях. В русских номинализациях единственный аргумент одностойной основы и внутренних аргумент переходной основы получают падеж посессора (генитив), а внешний аргумент переходной основы — особый падеж (инструменталис). Внимание докладчика было сосредоточено на номинализациях двухместных основ с лексически управляемым падежом внутреннего аргумента. Падежное (или предложно-падежное) оформление внутреннего аргумента в таких номинализациях сохраняется, а внешний аргумент может оформляться как генитивом, так и инструменталисом, т. е. демонстрирует вариативное падежное маркирование. При этом внутренний и внешний аргумент могут следовать за именем действия в различном порядке. В экспериментальном исследовании была установлена зависимость между позицией внешнего аргумента и его падежным оформлением. Герасимова выдвинула гипотезу о том, что и падежное оформление внешнего аргумента, и его линейная позиция предопределяются выбором стратегии приписывания падежа. Инструменталис является ингерентным падежом внешнего аргумента, возникающим независимо от падежа внутреннего аргумента. Генитив может рассматриваться как немаркированный падеж в именной группе, возникающий в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним. В рамках доклада был представлен анализ корреляций, включающий сопоставление рассмотренной закономерности с данными о порядке аргументов при других поддерживающих аргументную структуру отглагольных дериватах, в частности, пассивных причастиях.

² Или, в иных терминах — между конструкциями с каноническим и нулевым подлежащим.

3. Универсальное и специфичное в дифференцированном маркировании аргументов

Важнейшим направлением в современных исследованиях дифференцированного маркирования аргументов является поиск универсальных закономерностей в воздействии лицензирующих факторов на морфосинтаксические характеристики аргумента. В конкретно-языковых и типологических исследованиях DAM используются две основных эвристики. Первая эвристика связана с именами М. Силверстейна, С. ДеЛэнси, Б. Комри [Silverstein 1976; DeLancey 1981; Comrie 1975] и предполагает, что дифференцированное маркирование аргументов есть грамматикализация средств, используемых для привлечения внимания слушающего к неканоническому заполнению аргументных позиций переходной конструкции. Поскольку прототипом семантически переходной ситуации обычно считается конфигурация, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность, специальное маркирование должны получать одушевленный и определенный пациенс и, наоборот, неодушевленный и неопределенный агенс. Учитывая влияние тенденции к экономии морфосинтаксических средств, можно ожидать асимметричного DOM со специальным маркированием приоритетного аргумента по типу испанского [Aissen 2003] и асимметричного DSM со специальным маркированием неприоритетного аргумента, как в языках с расщепленной эргативностью [Silverstein 1976]. Вторая эвристика предполагает, что приоритетные признаки аргумента, проявляющиеся в его высокой позиции на различных семантических шкалах (одушевленности, определенности, коммуникативной значимости) оказывают единое влияние на маркирование этого аргумента в любой синтаксической позиции [Malchukov 2008]. Легко видеть, что предсказания двух эвристик совпадают в отношении DOM (хотя и предполагают различные механизмы кодирования) и диаметрально расходятся в отношении DSM.

Типологические данные показывают, что обе стратегии DSM встречаются в языках мира, причем DSM со специальным маркированием неприоритетного внешнего аргумента обычно устроен по модели формального именного сплита, а DSM с маркированием приоритетного внешнего аргумента демонстрирует весь спектр лицензирующих факторов и их взаимодействия, известный для DOM. В этой связи встает вопрос о типе DAM в конкретном языке и о возможностях его теоретического осмысления, поскольку указанные эвристики предполагают различные механизмы воздействия лицензирующих факторов на морфосинтаксическое кодирование аргументов: позиционно-специфичные в первом случае и позиционно-универсальные во втором.

В рамках конференции данная проблематика получила освещение на материале языков различной генетической и ареальной аффилиации. В докладе М. Б. Коношенко (Москва) на материале языков гвинейский кпелле (группа юго-западные манде), а также коно (юго-западные манде) и дан-гуэта (южные манде) обсуждалось «интегрированное» дифференцированное маркирование аргументов. Под этим термином Коношенко понимает случаи обязательного дублирования личными показателями определенных синтаксических типов именных групп, причем для подлежащего обязательным оказывается использование местоименно-предикативных показателей, а для дополнения — неноминативных префиксов. Хотя кодирующие техники для разных типов DAM различны, классы именных групп, вызывающих специальное маркирование, одинаковы во всех структурных позициях. К ним относятся сочиненные именные группы, именные группы с артиклем (детерминативом), а также сочетания местоимения и квантора (*все мы*). Конкретная структурная характеристика, которая объединяла бы такие именные группы в естественный класс, не вполне очевидна. Но ясно, что она оказывается лицензором дифференцированного маркирования аргумента в любой структурной позиции.

Сходное устройство DAM обнаруживается в абазинском языке, которому был посвящен доклад Я. Г. Тестельца (Москва). В абазинском языке отсутствует зависимостное

маркирование (падежами или послелогоми) основных грамматических отношений, однако наблюдается противопоставление двух именных конструкций: одна, грамматически полная, охарактеризована по определенности и числу; другая, неполная, не специфицирована в отношении значений этих категорий ни формально, ни семантически. Неполная конструкция, наряду с полной, способна выступать в большом числе контекстов — субъекта, объекта, possessора, адьюнкта. Различие полных и неполных именных конструкций, по мнению Тестельца, предположительно укладывается в теоретическую модель разноструктурных именных конструкций (DP vs. NP). Хотя в абазинском языке чередование DP и NP и не сопровождается, в отличие от родственных адыгских языков, падежным чередованием, оно демонстрирует многие эффекты DAM и псевдоинкорпорации.

Позиционно-универсальные механизмы дифференцированного падежного маркирования аргументов в тибето-бирманских языках обнаруживает М. В. Шкапа (Москва). На фоне обзора существующих в тибето-бирманских языках стратегий дифференцированного маркирования субъекта и объекта она рассматривает теоретическую проблему выбора модели описания подобных падежных показателей и ставит вопрос о применимости к этим языкам понятия эргативного/аккузативного кодирования ядерных актантов. Учитывая единообразие лицензирующих факторов и типов маркирования для обоих аргументов переходной конструкции, представляется возможным заключить, что более точной характеристикой маркирования ядерных актантов в тибето-бирманских языках является «прагматическое маркирование» агенса или пациенса.

Наряду с универсальными закономерностями в соотношении лицензоров и механизмов DAM наблюдаются и специфичные для конкретного языка и конкретной синтаксической позиции способы организации семантико-синтаксического интерфейса. В этой связи особый интерес представляют данные Н. В. Сердобольской (Москва), исследующей влияние определенности на морфосинтаксическое кодирование объекта. Сердобольская основывает свой анализ на двух представленных в семантической литературе подходах к интерпретации понятия определенности — через единичность или через известность. При первом подходе (через единичность) можно объяснить использование определенного артикля в ИГ, референт которой идентифицируется единственным образом, однако, возможно, не упоминается ранее. При втором подходе (через известность) можно объяснить наличие определенного артикля в случаях, когда участник упоминается ранее, но не может быть однозначно идентифицирован. На материале бесермянского диалекта удмуртского языка Сердобольская показывает, что оба описанных подхода могут быть релевантны в языках, где определенность кодируется более чем одним средством. Таким образом, единый лицензор DAM — определенность — расщепляется на два семантически независимых, хотя и часто коррелирующих друг с другом признака, и с каждым признаком оказывается связанным свое морфосинтаксическое средство. В дискуссии была поднята одна из «вечных» тем типологии: в какой мере применяемый набор грамматических и референциально-дейктических категорий независим от свойств того языкового материала, на основе которого он был предложен; в данном случае речь шла о том, не может ли набор референциальных статусов ИГ, выделенных на основе артиклевых языков Европы, косвенно отражать особенности этих языков, или же он выводим на основе универсальных принципов семантики и прагматики.

4. Многофакторные и статистические подходы к дифференцированному маркированию аргументов

Выявление факторов-лицензоров DAM и построение моделей их взаимодействия относятся к традиционной тематике исследований дифференцированного маркирования аргументов. В последние годы такие исследования часто опираются на статистические методы анализа языковых данных. Это связано как с растущей доступностью новых форматов языковых данных — электронных корпусов, создаваемых не только для крупнейших национальных языков, но и для малых языков, мертвых языков, диалектов, так и с развитием

автоматических методов моделирования языковых феноменов, позволяющих выявлять релевантные факторы и силу их влияния на выбор языкового выражения.

Все преимущества статистического подхода к анализу многофакторного феномена продемонстрировал доклад И. А. Сержанта (Лейпциг), посвященный дифференцированному падежному маркированию объекта (NOM vs. ACC) при форме дебитива в латышском языке. Прескриптивные грамматики ограничивают использование аккузатива в этой конструкции личными и рефлексивным местоимениями; тем не менее в разговорном латышском до 13 % именных групп других типов демонстрируют аккузативное маркирование. Сержант на основе корпусных исследований выявляет факторы, благоприятствующие использованию аккузатива: препозиция к глаголу, «доступность» в терминах [Ariel 1990], одушевленность; напротив, определенность ИГ не оказывает влияния на выбор падежа, а значимость такого фактора, как семантический класс предиката, является эпифеноменом: аккузативное маркирование наблюдается при тех предикатах, которые лицензируют одушевленные дополнения. В докладе также был представлен диахронический анализ развития латышского DOM, опирающийся на гипотезу о смешении двух исторически различных конструкций.

Многофакторный подход использует Р. В. Ронько (Москва) при анализе конструкций с номинативом объекта (*земля пахать, вода пить*) в современных русских говорах. Значимого варьирования в устройстве данного явления между разными говорами автору выявить не удалось. Механизм выбора между аккузативом и номинативом, по мнению Ронько, определяется совокупностью факторов: одушевленностью, референциальным статусом, порядком слов и коммуникативным статусом прямого объекта. Автор представил попытку диахронического анализа номинатива объекта с привлечением данных из текстов древнерусских памятников XI—XV вв. Дифференцированное маркирование в современных говорах, по словам докладчика, кардинально отличается от того же явления в древнерусском языке, хотя несомненно к нему восходит. В говорах номинатив объекта появился в ряде новых контекстов, тогда как в древнерусском языке, предположительно, употреблялся только при инфинитиве. Также в современных говорах существенно менее строги требования к (не)референтности и (не)одушевленности номинативного дополнения.

Системе кодирования прямого дополнения в мокшанском языке был посвящен доклад С. Ю. Толдовой (Москва). Автор рассматривает взаимодействие системы глагольной индексации (субъектное спряжение vs. субъектно-объектное спряжение) и механизма зависимостного маркирования объекта (отсутствие специального маркера прямого дополнения vs. оформление показателем родительного падежа). Основное правило индексирования, согласно Толдовой, сводится к следующему: именная группа, имеющая маркер определенности или посессивности, контролирует субъектно-объектное согласование, при неоформленной именной группе выбирается субъектное спряжение. В докладе подробно обсуждались те случаи, в которых выбор субъектно-объектного спряжения не может быть объяснен референциальным статусом ИГ. Толдова предлагает анализ подобных случаев, базирующийся на концепции вторичного топика [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. Сходные объяснения на материале других языков предлагались и другими докладчиками. Проблема, поднятая выступавшими в дискуссии, состоит в том, как именно информационная структура/к-структура высказывания взаимодействует с информационной структурой дискурса. Полной ясности в данном вопросе нет, и некоторые постулированные в типологической литературе дискурсивные сущности кажутся спорными. Так, например, сам коммуникативный статус так называемого «вторичного топика», по-видимому, соответствует тому, что в работах пражской и русской школы теории актуального членения [Firbas 1975; Арутюнова 1983: 55] принято называть «введением в рассмотрение бытующего предмета» (ср.: *В лесу родилась елочка*), при этом бытующий предмет относится к группе ремы, а не темы.

Выступление Кс. П. Семёновой (Москва) было посвящено правилам употребления проклитики *z-* при прямом дополнении в древнеармянском языке. В традиционных описаниях считается, что употребление этой проклитики связано с определенностью или с референтностью прямого дополнения, однако результаты, полученные автором при анализе корпусных

данных, расходятся с прежними обобщениями: обнаруживаются употребления *z*- с нереферентными и неопределенными прямыми дополнениями. Действие фактора определенности/референтности описывается иерархией, в которой личные местоимения и имена собственные всегда маркируются проклитикой, определенные ИГ маркируются почти всегда, а в классе неопределенных референтных ИГ и нереферентных ИГ выявлено наибольшее варьирование. С точки зрения линейной позиции маркированные проклитикой *z*- прямые дополнения чаще стоят в постпозиции. Семёнова замечает также, что проклитика употребляется при определенных семантических классах глаголов. Таким образом, древнеармянский язык может быть охарактеризован как имеющий многофакторный DOM.

Доклад И. В. Саркисова (Москва) представлял собой обзор дифференцированного маркирования объекта в новоарамейских языках. В силу диахронических причин в этих языках отсутствуют морфологические падежи. Объект в них маркируется различными «реципиентно-бенефактивными» предложениями и/или глагольным индексированием. Основным фактором, влияющим на выбор оформления объекта, является определенность. В фокусе внимания исследователя находится литературный урмийский язык, в котором объект маркируется предложениями *l* и *qa* или не маркируется вовсе, а глагол обычно согласуется с прямым дополнением. Саркисов обнаруживает специализированное средство маркирования одушевленных объектов — предлог *qa*. Таким образом, в пределах одного языка различные факторы — лицензоры DOM вызывают различные типы маркирования.

С. А. Оскольская (Санкт-Петербург) и Н. М. Стойнова (Москва) сделали сообщение о дифференцированном маркировании объекта в нанайском языке. В докладе был описан случай асимметричного DOM, при котором существительное в позиции прямого объекта может выступать с показателем аккузатива *-wa ~ -wə* или в виде немаркированной аффиксом формы номинатива. В докладе решается техническая проблема разграничения редуцированного до *-a ~ -ə* суффикса аккузатива *-wa ~ -wə* и «чистой» основы. Авторы показывают, что обсуждаемый материал действительно отражает DOM, а не сводится к морфонологическим процессам. Анализируются факторы, влияющие на выбор оформления прямого дополнения. По мнению авторов, это референциальный статус (тенденция к аккузативному маркированию определенности) и коммуникативный статус (тенденция аккузативного маркирования в теме).

5. Диахронические инновации в области дифференцированного маркирования аргументов

Вопрос о диахронических источниках и триггерах формирования систем дифференцированного маркирования аргументов в языках мира оказался в центре внимания типологов только в последние годы [Seržant, Kulikov 2013], хотя данный феномен часто обнаруживается в генетически и ареально независимых языках, что отражается в эволюционных моделях [Jäger 2007]. Существующие на сегодняшний день обобщения о путях диахронического развития систем DAM предполагают, что важнейшим источником их возникновения выступает смешение исторически двух различных конструкций, происходящее под давлением общезыковой тенденции к выравниванию и реорганизации частных подсистем в пределах единой системы [Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) b]. Следует отметить, что диахронические изменения могут изучаться и на квазисинхронном уровне, при анализе консервативного (обычно литературного) и инновативного (обычно разговорного) вариантов современного языка. В подобных работах удается проследить последовательную утрату самостоятельности реорганизующихся конструкций и изучить пути распространения языковых инноваций. Как показывают предшествующие исследования, эволюционные тенденции могут быть различными. Так, наличие генитива в контексте отрицания является инновацией балто-славянских языков, а дальнейшее развитие происходит либо по линии генерализации, либо по линии семантизации употреблений генитива в контекстах, где он изначально конкурировал с аккузативом; данная проблематика была затронута в докладе

П. М. Аркадьева. В древнескандинавском ареале изначально имелся параметр, разрешавший неканонические подлежащие в косв. п., но параметры, определяющие статус второго актанта конструкции с неканоническим подлежащим — номинативный объект или анти-субъект, — грамматикализовались лишь в ходе самостоятельной истории двух близкородственных языков — исландского и фарёрского [Циммерлинг 2002: 770—776].

В рамках очерченного подхода А. Ю. Урманчиева (Санкт-Петербург) выступила с докладом про эвиденциальные показатели, которые компенсируют утрату исходного механизма DOM в тазовском селькупском. В самодийских языках представлена модель дифференцированного маркирования, при которой переходный глагол может быть оформлен одной из двух серий лично-числовых окончаний (субъектной и субъектно-объектной), причем выбор между этими сериями связан с такой характеристикой объекта, как топиальность. В селькупском языке правила выбора между субъектным и субъектно-объектным спряжением изменились: непереходные глаголы используют только субъектное спряжение, переходные глаголы — только субъектно-объектное. Таким образом, на первый взгляд кажется, что селькупский язык утратил механизм дифференцированного маркирования объекта. Однако в тазовском селькупском разрушение этой общесамодийской системы компенсируется созданием нового механизма маркирования топиального объекта. Во-первых, маркируется не сам вторичный топик, а первое введение в повествование будущего вторичного топика; во-вторых, средством маркирования выступает форма косвенной эвиденциальности (с дополнительным митаривным компонентом в семантике) вместо ожидаемой формы прямой засвидетельствованности.

Развитие нового механизма DOM в мокшанском языке анализирует А. А. Козлов (Москва). В фокусе внимания исследователя находится конструкция с послеголом *-esə*, который имеет локативное значение, но в некоторых случаях способен маркировать прямое дополнение, и в этих контекстах подвергается десемантизации. На базе сопоставления данных мокшанского с прибалтийско-финскими языками Козлов представил диахронический анализ DOM в мокшанском языке и выдвинул гипотезу о возможной когнитивной мотивации в использовании локативной формы как маркера дополнения неопределенных глаголов.

А. Б. Шлуинский (Москва) в своем докладе представил ареально-генетический обзор дифференцированного маркирования объекта в языках ква, гур и бенуэ-конго Западной Африки. Шлуинский рассматривает сериальные конструкции с глаголом 'брать', который претерпевает грамматикализацию и используется как объектный маркер. Лексический переходный глагол в этих языках может также употребляться и в простой переходной конструкции предложения, без данного маркера, вследствие чего возникает ситуация дифференцированного маркирования объекта. Общая тенденция, по мнению исследователя, состоит в том, что неопределенные дополнения вводятся выраженным объектным маркером (глаголом 'брать' или продуктом его грамматикализации), а определенные употребляются в простой переходной конструкции, но на эту тенденцию могут накладываться особые ограничения как в разных языках, так и при разных классах лексических глаголов в одном и том же языке.

6. Ареал — язык — конструкция — лексема: дифференцированное маркирование аргументов как грамматический параметр

Еще одной важной характеристикой DAM можно считать допустимый уровень обобщений касательно его свойств. Дифференцированное маркирование аргументов обычно рассматривается как параметр, характеризующий язык: например, в испанском языке представлено дифференцированное маркирование объекта, а в баскском — дифференцированное маркирование субъекта. Однако очевидно, что область определения DAM может быть как шире, так и уже. DAM определенного типа может характеризовать генетические или ареальные группы языков (см. выше о языках манде, ква, гур, бенуэ-конго, тибето-бирманских) и выступать как параметр, характеризующий языковую семью, или как ареальная характеристика языка. С другой стороны, как мы видели, дифференцированное маркирование аргумента

может затрагивать только конкретную частную конструкцию языка, например, объект при форме дебитива в латышском языке или внешний аргумент при событийной номинализации в русском языке. В предельном случае, по-видимому, речь идет о вариативном управлении конкретной лексемы. Основанием для объединения этих явлений может служить общность лицензирующих факторов и единство механизмов дифференцированного маркирования.

На конференции были представлены исследования DAM различного уровня общности. Так, П. М. Аркадьев (Москва) рассматривает изменение падежа прямого объекта переходного глагола при отрицании в славянских, балтийских и прибалтийско-финских языках как ареальную черту циркумбалтийских языков. Эти языки демонстрируют значительную вариативность в допустимости и распространенности «локальной» и «дистантной» версий правила генитива/партитива отрицания, которая, однако, ограничивается следующими имплекативными закономерностями: (i) если в языке есть хотя бы редкие случаи изменения падежного маркирования объекта нефинитного предиката под воздействием матричного отрицания, то в нем есть и не менее продуктивны аналогичные случаи для локального отрицания; (ii) если в языке есть обязательное правило изменения падежного маркирования объекта под воздействием локального отрицания, то в нем есть (возможно, факультативное) правило аналогичного изменения и для, по крайней мере, некоторых контекстов дистантного отрицания. И в русском, и в литовском аккузатив и генитив конкурируют между собой в контексте отрицания, но условия их доступности различны. В нормативном русском языке генитив отрицания возможен только при локальном отрицании (ср.: *??Вася не хотел [посылать письм-а_{GEN.}]*), а выбор между генитивом и аккузативом, по имеющимся описаниям, мотивирован семантически. В литовском языке генитив отрицания генерализован при локальном употреблении (наличие отрицания в той же клаузе делает выбор генитива обязательным) и во вложенных односубъектных клаузах (ср. лит. *Jonas ne-nori [rašyti laišk-o_{GEN.} / *laišk-q_{ACC.}]* букв. 'Йонас не хочет [писать письма/ *письмо]'), а во всех остальных случаях факультативно возможен.

Ж. Отье (Париж) анализирует дифференцированное маркирование аргументов в антипассивных конструкциях даргинского языка. Залоговые и актантно-деривационные преобразования обычно рассматриваются отдельно от дифференцированного маркирования аргументов, однако специфика морфосинтаксиса антипассивной конструкции в даргинском позволяет помещать ее в контекст DAM. Антипассив в даргинском не имеет особых глагольных показателей и выражается посредством кодирования аргументов: агенс кодируется номинативом, а пациенс — эргативом, так что возникают взаимозависимые DSM и DOM. Семантическим эффектом антипассивизации оказывается смещение фокуса внимания с объекта на субъект: во-первых, в антипассивных конструкциях объект обычно неопределенный или нереперентный; во-вторых, антипассив особенно часто встречается в зависимых клаузах, при том что в главных клаузах синтаксически приоритетным аргументом (pivot) выступает номинативная именная группа. Гипотеза Отье состоит в том, что антипассивизация позволяет сохранить последовательность номинативных топиков и тем самым имеет дискурсивное обоснование.

А. В. Мальшева и А. В. Тер-Аванесова (Москва) в докладе «Падежная система и варьирование падежных показателей в одном южнорусском говоре» представили описание падежной системы говора села Роговатка Белгородской области. Опираясь на понятие однопадежного ряда [Зализняк 1967], авторы выделяют в говоре следующие падежи: именительный, винительный, родительный с предлогом *у*, родительный с другими предлогами, родительный без предлогов, родительный количественный, счетную форму, дательный, распределительный (при предлоге *по* в «локативном» значении), творительный, местный, предложный (при предлоге *при*). В докладе был представлен подробный анализ контекстов употребления падежей и позиционного распределения предлогов, управляющих соответствующими падежами.

Механизму выбора падежа дополнения при прилагательном *полный* был посвящен доклад Е. А. Проценюк (Москва). Традиционные описания лексемы *полный*, по мнению автора, не объясняют дифференцированного маркирования актанта прилагательного (*полный*

чего/чем), но лишь фиксируют это различие. Данные Проценюк показывают, что местоименные зависимые в постпозиции к данному прилагательному практически всегда выбирают форму творительного падежа. Выбор падежа именных групп с вершиной-существительным зависит от его семантических обстоятельств, а именно от принадлежности к тому или иному таксономическому классу. Так, по мнению исследователя, непредметные имена существительные таксономических классов «психическая сфера», «свойство человека» тяготеют к форме родительного падежа; выбор падежа предметных имен, абстрактных имен таксономического класса «ментальная сфера», а также имен, не входящих в определенную группу, представляет собой зону колебания. При этом для всех семантических классов существительных отмечается предпочтение формы родительного падежа, к тому же растущее со временем. В то же время фактором, благоприятствующим выбору формы творительного падежа, является наличие у существительного при *полон* собственного зависимого в родительном падеже.

Можно констатировать, что дифференцированное маркирование аргументов — активно развивающаяся область исследований, где лингвист имеет возможность не только описывать наблюдаемые факты, но и до определенной степени предсказывать распределение параметров грамматики как в синхронии, так и в диахронии. Рассмотрение в единой рубрике явлений дифференцированного маркирования объектов, субъектов и посессоров имеет под собой серьезные основания, несмотря на трудности, связанные с идентификацией подлежащего аргумента при принятии гипотезы о неканонических подлежащих. Доклады прошедшей конференции, с нашей точки зрения, подтвердили, что дифференцированное маркирование аргументов, при всем многообразии морфосинтаксической техники в языках мира, опирается на одни и те же базовые принципы грамматики, особенно в том, что касается непосредственно механизмов падежного варьирования и приписывания падежа. В то же время распределение отдельных маркеров DAM во многих языках благоприятствует многофакторному подходу, а попытка прямолинейно вывести наличие/отсутствие конкретного маркера DAM в конкретном языке из какой-то одной универсальной референциально-дейктической иерархии не достигает цели.

Подробнее с материалами конференции можно ознакомиться по адресу: http://iling-ran.ru/main/news/160402_gtg.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1983 — Арутюнова Н. Д. Коммуникативные формы бытийных предложений // Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Наука, 1983. С. 53—93. [Arutyunova N. D. Communicative forms of existential sentences. Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 53—93.]
- Борик 1995 — Борик О. М. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. [Borik O. M. *Sintaksicheskii priznak neakkuzativnosti glagola (na materiale russkogo yazyka)*. *Diplomnaya rabota* [The syntactic marker of the verb unaccusativity (based on the Russian linguistic material). Diploma paper]. Moscow: Moscow State Univ., 1995.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian noun inflexion]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Кибрик 1999 — Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. [Kibrik A. E. (ed.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur from the typological perspective]. Moscow: Nasledie, 1999.]
- Кибрик 2001 — Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Kibrik A. E. (ed.). *Bagvalinskii yazyk. Grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal. Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Institute of the World Literature, Russian Academy of Sciences, 2001.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52—69. [Lyutikova E. A., Pereltsvaig A. M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 3. Pp. 52—69.]

- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101—116. [Padučeva E. V. The genitive case of the subject: syntax or semantics? *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 2. Pp. 101—116.]
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21—43. [Padučeva E. V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 6. Pp. 21—43.]
- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008. [Rakhilina E. V. (ed.). *Ob'ektnyj genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [The genitive of object with negation in Russian]. Moscow: Probel-2000, 2008.]
- Ронько 2016 — Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 158—181. В печати. [Ronko R. V. Differential direct object marking in infinitive clauses in Old Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 1 (31). С. 158—181.]
- Ронько, Циммерлинг 2015 — Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке // Вестник МГГУ имени М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки. 2015. № 1. С. 57—66. [Ronko R. V., Zimmerling A. V. The parameter of nominative object and the syntax of infinitive clauses in the dialects of the Russian North and in Old Russian. *Vestnik MGGU imeni M. A. Sholokhova. Ser. Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. Pp. 57—66.]
- Циммерлинг 2002 — Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zimmerling A. V. *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov* [Typological syntax of the Scandinavian languages]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. [Рец. на:] Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015 // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 144—151. [Zimmerling A. V. [Rev. of:] Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No. 4. Pp. 144—151.]
- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural language and linguistic theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 435—483.
- Ariel 1990 — Ariel M. *Accessing noun-phrase antecedents*. London: Routledge, 1990.
- Baker 2015 — Baker M. C. *Case: Its principles and its parameters*. (Cambridge studies in linguistics 146). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M. C., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. Pp. 593—642.
- Bornkessel-Schlesewsky et al. 2015 — Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). *Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Borschev et al. 2008 — Borschev V., Paducheva E. V., Partee B. H., Testelets Y. G., Yanovich I. Russian genitives, non-referentiality, and the property-type hypothesis. *Formal approaches to Slavic linguistics. Proceedings of FASL 16*. Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin C. Y. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008. Pp. 48—67.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in — neuraischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Brown 1999 — Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Stanford (CA): CSLI Publ., 1999.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press. Pp. 89—155.
- Comrie 1975 — Comrie B. Definite and animate direct objects: A natural class. *Linguistica Silesiana*. 1975. Vol. 3. Pp. 13—21.
- Coon 2013 — Coon J. TAM split ergativity (parts 1—2). *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. Pp. 171—200.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- DeLancey 1981 — DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. 1981. Vol. 57. No. 3. Pp. 626—657.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59—138.

- Firbas 1975 — Firbas J. On «existence/appearance on the scene» in functional sentence perspective. *Prague studies in English*. 1975. Vol. 16. Pp. 47—70.
- Haiman 1983 — Haiman J. Iconic and economic motivation. *Language*. 1983. Vol. 59. Pp. 781—819.
- De Hoop, de Swart 2008 — de Hoop H., de Swart P. (eds.). *Differential subject marking*. Dordrecht: Springer, 2008.
- Jäger 2007 — Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study. *Language*. 2007. Vol. 83. No. 1. Pp. 74—109.
- Kazenin 1998 — Kazenin K. On patient demotion in Lak. *Typology of verbal categories*. Kulikov L., Vater H. (eds.). Tübingen: Niemeyer. Pp. 95—115.
- Kornfilt 2008 — Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. *Differential Subject Marking*. De Hoop H, de Swart P. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 79—111.
- Lyutikova 2016 — Lyutikova E. Formal modeling of case variation: A parametric approach. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2016»* (Moscow, June 1—4, 2016). No. 15 (22). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2016. Pp. 455—470.
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — Lyutikova E., Ibatullina D. Case theory and case variation in Tatar. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP-2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (ed.). Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2015. Pp. 228—244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. № 3. Pp. 289—325.
- Malchukov 2008 — Malchukov A. Animacy and asymmetries in differential case marking. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 203—221.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern States Conference on Linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. Pp. 234—253.
- Mel'čuk 2014 — Mel'čuk I. Syntactic subject: Syntactic relations, once again. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A., Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 169—216.
- Payne, Barshi 1999 — Payne D., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Pesetsky 1982 — Pesetsky D. *Paths and categories*. Doct. diss. Cambridge (MA): MIT. Dept. of Linguistics and Philosophy, 1982.
- Seržant, Kulikov 2013 — Seržant I., Kulikov L. (eds.). *The diachrony of non-canonical subjects*. SLCS 140. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) a — Seržant I., Witzlack-Makarevich A. Differential argument marking: An introduction. *The diachronic typology of differential argument marking*. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A., Mann K. (eds.). Berlin: Language Science Press. (forthcoming)
- Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) b — Seržant I., Witzlack-Makarevich A. Diachronic typology of differential argument marking. *The diachronic typology of differential argument marking*. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A., Mann K. (eds.). Berlin: Language Science Press. (forthcoming)
- Shibatani 1994 — Shibatani M. An integrated approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proceedings of the Twentieth annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley (CA): University of California, 1994. Pp. 461—487.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchies of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). New Jersey (NJ): Humanities Press, 1976. Pp. 112—171.
- de Swart 2007 — de Swart P. *Cross-linguistic variation in object marking*. Doct. diss. Nijmegen: Univ. of Nijmegen, 2007.

Статья поступила в редакцию 21.06.2016.